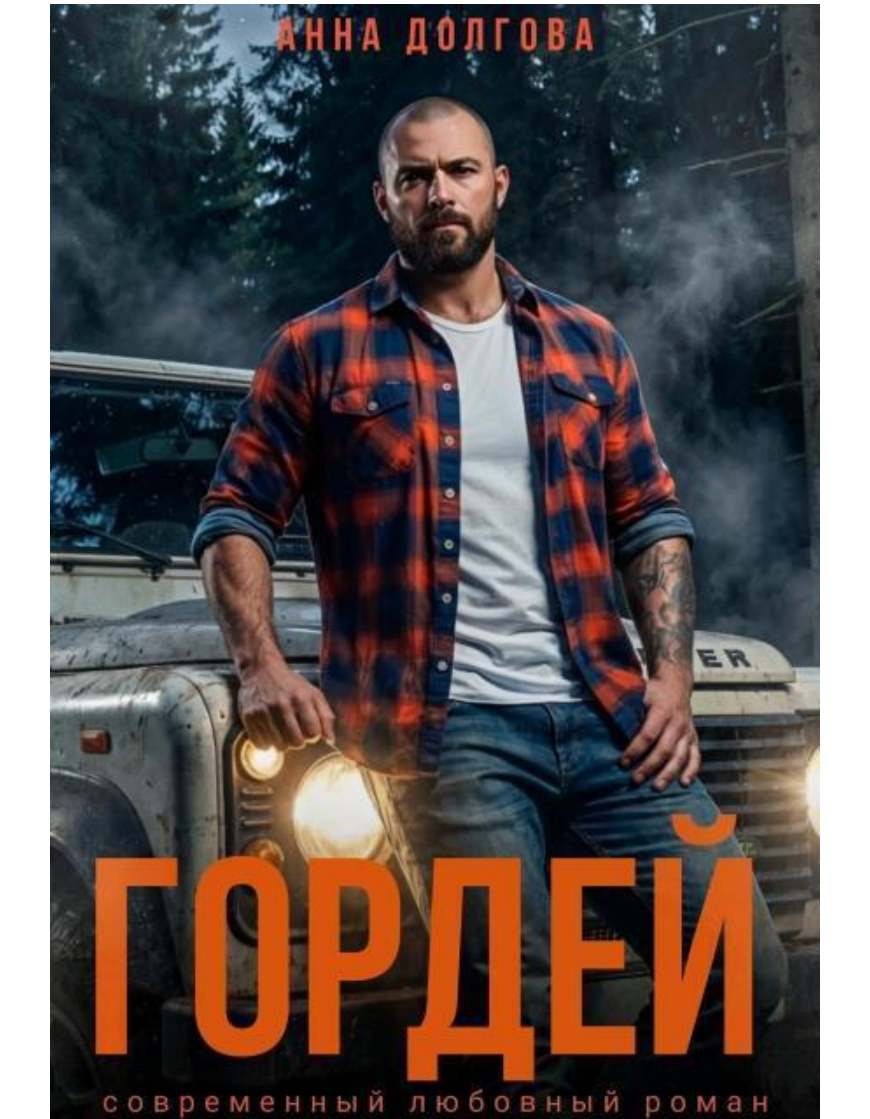

АННА ДОЛГОВА

ГОРДЕЙ

современный любовный роман

Анна Долгова Гордей

<https://litres.ru/74221814>

Аннотация

Деревня видит их жестокую войну. Он – железный хозяин фермы-крепости. Она – дерзкая племянница, бросающая ему вызов. Их ссоры сотрясают Лесную Гриву.

Но ложь – их общий язык.

Каждая пощечина – это код. Каждая публичная ссора – прикрытие.

Гордей Свиридов уверен: он держит под контролем и свой криминальный бизнес, и эту опасную девчонку с горящими глазами.

Он не знает главного.

Ее страсть – холодный расчет. Ее поцелуи – часть плана по уничтожению его империи. Она должна заставить его потерять голову, чтобы спокойно воткнуть нож в спину.

Но что делать, если в этой смертельной игре из двух лживых сердец одно начало биться по-настоящему?

Они научились безупречно притворяться врагами. Смогут ли выжить, когда станут ими на самом деле?

♥#ЗДЕСЬ БУДЕТ ЖАРКО. ЗДЕСЬ БУДЕТ ЖЕСТКО И ЖЕСТОКО. ЕСЛИ НАЧИНАЕТЕ ЧИТАТЬ - ЧИТАЕТЕ ДАЛЬШЕ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ!

ПУБЛИКАЦИЯ ГЛАВ - ПО ЧЕТНЫМ ЧИСЛАМ!

ВНИМАНИЕ!!!!Автор осознаёт и строго соблюдает культурные и законодательные нормы, категорически не допуская пропаганды или оправдания действий, противоречащих моральным устоям общества и букве закона.

ЧИТАЕМ ДАЛЬШЕ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ!

Содержание

Глава 1. Гордей	5
Глава 2. Ксения	11
Глава 3. Гордей	18
Глава 4. Ксения	24
Глава 5. Гордей	33
Глава 6. Ксения	41
Глава 7. Гордей	48
Глава 8. Ксения	53
Глава 9. Гордей	58
Глава 10. Ксения	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Глава 1. Гордей

Четыре тридцать утра. Небо над Лесной Гривой еще черное, только на востоке полоска свинцового, мутного света. Воздух холодный, пахнет травой, дымом и землей.

Моя земля.

Я стою на пороге дома. Потягиваюсь. Кости хрустят, как сухие сучья. Тело, тяжелое, как мешок с цементом, понемногу просыпается. Сперва всегда так – ломота, нежелание. Потом – привычное движение. Пока жена и дети спят в просторной тишине, я уже на ногах. Царь в своем королевстве. Скучное, честное слово, королевство.

Обхожу. Это ритуал. Не для показухи – для себя. Чтобы почувствовать: все на месте. Никто не шарился ночью, ничего не сломалось. Сарай, длинные, темные, храпят спокойным дыханием спящих бычков. Трактора, вымытые вчера к вечеру, стоят приземистые и мощные. Настоящие железные кони. Зерносклад, пахнувший пылью и будущим хлебом. Все это – Свиридовское.

Мое. Моя ферма. Моя земля.

Та, что видят все. Та, из-за которой меня уважают и боятся. Потная, пахнувшая навозом и соляровкой крепость.

А есть другая крепость. Та, что в цифрах. Она не пахнет. Она холодная и тихая. Она живет в офшорных счетах, в договорах на поставку несуществующего сена по цене золота,

в контрабанде мяса, которое теряет свою грязную историю в моих чистых цехах.

Она – моя настоящая сила.

Глубже, чем корни этих дубов на окраине поля. Прочнее, чем фундамент дома. Об этом не знает никто. Ни Людка, ни дети, ни мать. Особенно мать.

Подхожу к новому комбайну, пригнанному вчера. Железный монстр, краска еще блестит под росой. Кладу ладонь на холодный капот. Мощь. Осязаемая. Как и моя. Все думают, я всего добился каторжным трудом и кулаками. Пусть думают. Так проще.

С востока начинает литься свет, размывая черный край леса. Пора будить народ, начинать денек. Поворачиваюсь к дому и замираю.

По полевой дороге, той самой, что ведет от ее дома к ферме, идет она.

Ксения.

Идет не как обычно – не суетливо, не оглядываясь. Идет, как на парад. Прямо, четко, подбородок приподнят. Ветер с реки подхватывает ее распущенные волосы, темные пряди танцуют вокруг лица. На ней какая-то легкая кофта, не поутреннему, и юбка, которая облегает бедра и колыхнется на ходу.

Красиво идет. Черт.

Мысль проскакивает резкая, незваная, как удар тока.

Красивая.

Не «племянница», не «дочь брата».

Женщина.

Молодая, с упрямым изгибом губ, с яростью в каждом шаге.

Ярость и молодость. Смертельная смесь.

Гоню мысли прочь. Грех. Стыд. Перед памятью брата, перед матерью, перед самим собой. Она – родная кровь.

Почти.

Но кровь эта, кажется, кипит в ее жилах, как самогон в плохо сделанном аппарате.

Она подходит ближе. Вижу ее лицо. Оно не просто сердитое. Оно искажено – губы сжаты в белую ниточку, брови сведены, глаза... Глаза горят таким чистым, неподдельным гневом, что на секунду мне самому становится не по себе. Талантливая актриса. Или... Нет. Только игра. Только.

Она останавливается в двух шагах. Пахнет от нее не деревней – чем-то городским, духами или мылом, свежим и вызывающим.

- Дядя! – ее голос режет утреннюю тишину, как стекло. – Ты совсем охренел?!

Я не успеваю рот открыть. Не успеваю сыграть свою первую реплику в этом ежедневном спектакле.

Щелкает хлесткий, оглушительно громкий звук. Белая вспышка боли на скуле. Мир на миг теряет цвет и форму.

Пощечина.

Не шлепок, не затрещина. Настоящая, с размаху, с вло-

женной всей силой ее хрупкого тела пощечина. Щека горит. В ушах звон.

Наступает абсолютная, гробовая тишина. Я чувствую, не видя, как замерли мужики у сарая, которые только подошли к рабочему месту. Как из окна конторы вывалились любопытные немногочисленные рожи. Весь мой мир, только что такой прочный и незыблемый, сжался до двух точек: жгущей, унижительной боли в лице и ее глаз. Серых, как дым перед грозой. В них нет страха. Нет даже злорадства.

В них – вызов.

Дикий, неистовый азарт. И что-то еще...

Что-то теплое и тайное, что проскальзывает в глубине зрачков на долю секунды, пока никто не видит, кроме меня. Взгляд не врага. Взгляд соучастника. Сообщника по преступлению, которое зовется нашей жизнью.

Внутри все сжимается в тугой, раскаленный ком. Не от злости. От этого взгляда.

Я медленно, очень медленно провожу ладонью по щеке. Кожа горит. Взгляд мой, чувствую, стал ледяным. Таким, от которого у самых дерзких мужиков кровь стынет.

Тишина вокруг давит. Все ждут, когда Хозяин взорвется. Когда он возьмет эту дерзкую девчонку и швырнет ее через весь двор.

Я делаю шаг вперед. Она не отступает. Дышу ей в лицо. Вижу, как вздрагивают ее ноздри.

Моей руке, огромной, покрытой шрамами и мозолями,

будто самим собой нужно сделать только одно – схватить ее. И я хватаю. Но не за горло, не за плечо. За запястье. Тонкое, хрупкое, под тонкой кожей чувствуются резкие, маленькие косточки. Сжимаю. Не чтобы сломать. Чтобы почувствовать. Ее пульс бьется часто-часто – птичкой, прямо под моими пальцами. Она вскрикивает, но не от боли. От неожиданности.

Я наклоняюсь к самому ее уху. Мой голос выходит хриплым, низким, только для нее:

- Еще раз поднимешь на меня руку, племяшка... - весь мой гнев, все напряжение, вся эта чертова, безумная игра вливаются в шепот. – Вырву с корнем.

Отпускаю ее руку. Она отшатывается, хватаясь за запястье, на котором уже проступают красные следы от моих пальцев. В ее глазах не страх. Ни капли. Только тот же вызов. И странное, почти торжествующее ожидание.

Я отворачиваюсь от нее, спиной чувствуя ее горящий взгляд. Смотрю на своих остолбеневших работников.

- Чего встали? – рычу я, и звук, кажется, сбивает с них последнее оцепенение. – Работы нет? Разбежались!

Они кидаются врассыпную, как тараканы от света.

Иду к дому, спину держу прямо. Походка – тяжелая и уверенная.

Хозяин. Не тронь.

В глазах у всех мы – враги. Смертельные.

А в голове, четко, как будто кто-то вбил гвоздем в череп,

стучит мысль, простая и невыносимая:

Понедельник. Чертова мука. Еще три дня.

<https://litnet.com/shrt/xGIM>

Аннотация к книге "Бедовая невеста Кавказа"

- Дочь! – объявляет ее мама. – Тебя тут замуж хотят
взять.
 Реакция Кати предсказуема. Выпитое вино дало
ей в голову, поэтому она ведет себя неподобающим образом,
обращаясь к своим родителям:
 - Куда?! Замуж?! Я ни-
когда не свяжу свою жизнь с человеком, который считает се-
бя умнее всех! И вообще, я карьеристка! Мне моя свобода
и независимость дороже!
 - Не смей перечить воле роди-
телей, - говорю ей строго.
 - А то что ты сделаешь мне? –
обращается Катя уже ко мне, переваливаясь через стол, что-
бы приблизить ко мне свое лицо.
 Встаю, чтобы посмот-
реть на нее сверху:
 - Выпорю и все равно женюсь!

Глава 2. Ксения

Пятый шаг от него – вся рука горела, от кончиков пальцев до плеча. Не от удара. От того, как в последний миг все мускулы свело, от дикого, запретного всплеска энергии, когда ладонь встретила щеку. Десятый шаг – в ушах все еще стоял хрустальный звон тишины, которая наступила после щелчка по коже. Пятнадцатый – я завернула за угол и споткнулась о старую крышу.

Рукой уперлась в холодные доски сарая. Дышала, как загнанная лошадь. В груди колотилось что-то тяжелое и горячее. Не страх. Не ярость. Что-то другое, острое и непонятное. Я сжала ладонь в кулак – пальцы дрожали.

«Собратся, - мысленно прошипела я себе. – Сейчас, сию секунду. Ты – Ксения. Он только что оскорбил память твоего отца, украл у твоей бабушки последнее. Ты в ярости».

Я расправила плечи. Сделала лицо. Оно должно было быть таким: бледным, с плотно сжатыми губами, со следами праведного гнева вокруг глаз. Я натянула эту маску, как вторую кожу, и вышла из-за угла.

Мне нужно было идти через всю деревню. Чтобы видели. Чтобы сочувствовали. Чтобы завтра поползли сплетни: «Видали, как Свиридов племянницу-сироту унизил? А она ему – раз! Молодчага!»

Пыльная улица под ногами, низкие заборы, палисадники

с увядшей геранью. Я шла быстро, не глядя по сторонам, но кожей чувствовала взгляды. Из-за занавесок, из распахнутых калиток. Шепот, похожий на шелест сухих листьев: «Она... Да она ему влепила... Мать честная...». Моя роль требовала, чтобы я шла прямо, гордо, но с тенью непоправимой обиды в каждом движении. Я вошла в образ.

Дом Анны Петровны пахнет, как всегда, печеным хлебом, сушеным чабрецом и покоем. Старый, добрый покой, которого нет в моей настоящей жизни. Я постучала и вошла, не дожидаясь.

- Бабушка?

- Ксюшенька? Господи, что с тобой? – Анна Петровна отложила вязание.

Ее глаза, выцветшие от возраста, но все еще удивительно зоркие, сразу прочитали на моем лице все, что нужно.

Я не стала ничего говорить. Просто подошла и опустилась на корточки рядом с ее креслом, положила голову ей на колени. Это был лучший жест. Он говорил больше любых слов: вот я, сирота, обиженная, пришла за защитой к самой доброй душе в этом мире.

Ее рука, теплая и шершавая, как коряга, легла мне на голову.

- Опять он? – тихо спросила она.

В ее голосе не было удивления. Была только усталость. Глубокая, вековая усталость женщины, которая всю жизнь провела между молотом и наковальней.

Я кивнула, уткнувшись лицом в ее темный, поношенный сарафан.

- Из-за коровы, - выдавила я, и голос мой сам собой задрожал. – Бабушка, он же... он говорит, ты сама отдала, по своей воле. А я знаю, знаю, что он тебя заставил! Словом, взглядом этим своим... Он все может заставить!

Я говорила горячо, искренне. Потому что это была правда. Гордей Свиридов действительно мог заставить. И он это делал. Просто в этой конкретной истории с коровой не было ни капли правды. Но детали не имели значения. Важна была суть: он – тиран, я – жертва, восставшая против несправедливости.

- Ударил он тебя? – спросила бабушка еще тише, и ее пальцы в моих волосах замерли.

- Нет, - я сделала паузу, давая ей приготовиться. – Это я его ударила.

Тишина в горнице стала густой, как кисель. Потом я услышала, как она тихо выдохнула.

- Сама? – в ее голосе прорвалось что-то вроде горькой, сдавленной гордости. – Ну, КсенЬя... Зря. Он этого не забудет.

«И не должен, - пронеслось у меня в голове с безумной четкостью. – Пусть помнит. Пусть щека горит до вечера. Пусть думает обо мне».

Я тут же отогнала эту мысль, испуганная ее направленностью. Что со мной?

- Простите, бабушка, - прошептала я уже совсем другим, усталым голосом. – Не сдержалась. Но он... он святой коро- вы вашей не пожалел. Как же после этого молчать?

Она снова принялась гладить меня по голове, бесконеч- ными, успокаивающими движениями.

- Молчать не надо, детка. Но и кулаками правды не до- бьешься. Он... он как скала. Лбом прошибешь, а он и не за- метит, - она помолчала. – А рука-то у тебя... не болит?

Этот вопрос, такой простой и материнский, обжег меня сильнее, чем ее возможное осуждение. Потому что моя рука не болела. Болела ладонь. И я не могла ей этого сказать.

- Нет, - солгала я, и на этот раз вина пришла по-настояще- му, тяжелым, горячим комом в горло.

Я обнимала эту старую женщину, которая верила мне, жа- лела меня, а сама была лишь пешкой в чужой игре. Моей иг- ре.

- Все в порядке.

Я посидела у нее еще с полчаса. Пила чай с малиновым вареньем, слушала ее тихие рассказы о молодости, о деде, которого я никогда не знала. И все это время внутри сиде- ло смутное, необъяснимое чувство. Неловкость? Нет. Тос- ка? Возможно. Тоска по чему-то настоящему в этой паутине лжи.

Вечером, когда в доме воцарилась тишина, а «мама» На- дежда Степановна уже похрапывала за тонкой перегородкой, я достала телефон. Не тот, розовый, с наклейками, что лежал

на тумбочке.

Другой. Серый, безликий, с потертым корпусом. Я купила его месяц назад на рынке в райцентре, за наличные, не глядя на ценник. В нем была только одна сим-карта и один сохраненный номер, подписанный просто буквой «Г».

Рука дрожала, когда я нажимала кнопку включения. Экран загорелся тусклым синим светом, осветив в темноте край подушки. Я ждала, сверля взглядом иконку сети. Пять минут. Десять. И вот – короткая, беззвучная вибрация.

Одно сообщение. Без подписи.

«Устроила шоу на весь поселок. Перебор с коровой. Но скандал качественный. Завтра утром на людях – ноль контакта. Совсем. Ни слова, ни взгляда. Поняла?»

Я смотрела на строчки, и по спине пробежал холодок. Не от страха. От чего-то другого. От этой властной, не терпящей возражений интонации, которую я угадывала даже в сухом тексте. Он всегда так – приказывал, а не просил.

Я ответила, стараясь, чтобы мой текст звучал так же сухо и деловито.

«Поняла. Будет ноль. Но это вызовет вопросы. Особенно у бабушки. Она сегодня вся в переживаниях, думает, мы на ножах».

Ответ пришел почти сразу, будто он ждал, держа телефон в руке.

«Пусть думает. Она – наш лучший зритель. Чем больше переживает за тебя, тем правдоподобнее. И, Ксения...». Тут

была пауза, будто он колебался, дописывать ли дальше. «...щелкать надо аккуратней. Я не резиновый».

Щелкать. Он назвал пощечину «щелкнуть». И добавил про резинового. Словно речь шла о царапине на машине, а не о том, как я при всем честном народе ударила его по лицу. И это «наше».

Наш лучший зритель.

Меня вдруг обуяла странная смесь ярости и дикого, нелепого облегчения. Ярости – потому что он говорил со мной, как с подчиненным. Облегчения – потому что он вообще отвечал. Потому что тон его был... почти обычным. Деловым. Не таким, каким должен быть у человека, которого только что оскорбили смертельно.

Я не стала ничего больше писать. Просто выключила телефон, разобрала его дрожащими пальцами и вынула маленькую фиолетовую сим-карту. Завтра, по дороге на ферму, я выброшу ее в придорожный кювет и куплю новую, такую же анонимную. Ритуал.

Подошла к окну, раздвинула занавеску. Ночь была непроглядной. Только вдалеке, за черными силуэтами сараев, теплился одинокий квадрат желтого света. Окно его кабинета. Он не спал.

Что он там делал в этот час? Подводил итоги дня? Считал убытки от сорванной из-за нашего спектакля приемки? Или... или просто сидел в тишине, изредка касаясь пальцами щеки, на которой, должно быть, еще оставалось легкое,

стыдное жжение?

Я отпустила занавеску, и комната снова погрузилась в темноту. Приказ был ясен. Ноль контакта. Ни слова, ни взгляда.

Завтрашний день обещал быть невыносимым. И самым странным было то, что мысль об этом причиняла не просто страх, а какую-то острую, почти физическую боль.

<https://litnet.com/shrt/cacv>

Аннотация к книге "Фиктивная невеста Кавказа"

Одному из братьев Аслана срочно понадобилась невеста! Вот прям ооочень срочно! Что же делать?
Правильно!
Брать первую попавшуюся незнакомку! А дальше уж как пойдет...
А пойдет все не совсем гладко...
Наша героиня, хоть и согласилась на условия незнакомца, но диктовать свои тоже будет. А как без этого?! Если рядом, пусть и с фиктивным женихом, крутится эффектная красотка, претендующая на место его законной жены?!

Глава 3. Гордей

Дом после девяти вечера затихал, превращаясь в склеп с теплыми стенами. Люда мыла посуду на кухне. Сын с дочерью – погодки подросткового возраста – угнездились перед телевизором в гостиной, уставившись в яркий мерцающий экран. Я сидел в своем кабинете за массивным дубовым столом. Но не бумаги передо мной лежали, а тетрадка с обычными фермерскими расчетами. Цифры прыгали перед глазами, не желая складываться в стройные ряды.

Все из-за этого долбанного ощущения на щеке. Призрачного, но навязчивого, будто на кожу капнули ментоловой мазью. Не больно. Память. Память о взгляде. О том, как ее глаза вспыхнули не просто яростью перед ударом, а чем-то вроде... азарта. Как будто она знала, что последует, и сгорала от нетерпения.

Я резко провел ладонью по лицу, стирая ощущение. Глуposti. Она просто хорошая актриса. И горячая, как перец. Слишком горячая для этой роли. Надо бы ее остудить.

Дверь в кабинет тихо скрипнула. Вошла Люда. Поставила на край стола стакан с чаем. Без блюда. Чай остывший, темный, как болотная вода.

- Мать устроилась, - сказала она без предисловий.

Голос ровный, без эмоций. Не спрашивала, удобно ли, не просила помощи. Констатировала.

- На втором этаже, в синей комнате. Говорит, лестница крутая.

- Скажи, помогу перебраться вниз, в гостевую, - отозвался я, не отрываясь от цифр.

- Сказала. Не хочет. Говорит, сверху виднее.

Виднее. Мама всегда любила смотреть на свои уголья из окна. Даже теперь, когда глаза уже плохо видели. Она просто хотела быть выше. Над всем этим. Надо было отдать ей главную спальню, но Люда бы этого не пережила. Холодный мир в доме держался на тонком равновесии молчаливых договоренностей.

- Хорошо, - кивнул я. – Пусть остается там.

Люда постояла еще мгновение, ожидая, не скажу ли я что-то еще. Спрошу, как ее день, как дела у ребят в школе. Я не спросил. Она развернулась и вышла, закрыв дверь так же тихо, как и вошла. Между нами не было ссор. Не было даже раздражения. Была пустота, вымороженная годами невысказанного. Она знала, что я, если не телом, так душой всегда где-то там, на ферме, в своих делах. Я не спрашивал, что творится в ее душе. Было проще.

Переезд матери был моим решением. Ее старый дом ветшал, а жить одной на восьмидесятом году – это не романтика, а ежедневный риск. И еще... еще это был тактический ход. Ксения, живущая с нами по соседству, слишком часто ходила в гости к названной бабушке. Слишком тесна становилась их связь. Перевезя мать к себе, я разрывал эту опас-

ную близость. Теперь Ксении не было законного повода болтаться у того порога. Она была отсечена.

Мысль оказалась пророческой. Уже на следующее утро, едва я закончил разговор с механиком по поводу сломанного трактора, я увидел ее. Она шла через двор не по дорожке, а напрямик, по утоптанной земле, с тем же вызывающим видом, что и вчера. Только сегодня в ее глазах горел не азарт, а ледяная решимость.

- Дядя, - бросила она, не снижая голоса, хотя рядом никого не было. – Значит, так, да? Забрал бабушку, забрал ее дом? Теперь он твой?

- Мама теперь живет со мной. Ей так лучше, - ответил я, следя, чтобы мой тон был ровным, хозяйским.

- Лучше, - она фыркнула, подойдя совсем близко – мы стояли в тени навеса у инструментальной. – Конечно, лучше. Все под боком. Под контролем.

Она посмотрела мне прямо в глаза, и в ее взгляде читался немой вызов: «Я тебя раскусила».

Я сделал шаг вперед, заставив ее отступить на полшага под навес, в полную тень, куда не долетали ни взгляды, ни звуки с фермы.

- Именно так, - тихо, но четко проговорил я. – Теперь все под контролем. Всё. И все.

Я сделал ударение на последнем слове, дав ему повиснуть в воздухе. Ее глаза чуть расширились. Она поняла. Речь шла не только о бабушке.

- Это значит, я теперь имею право входить в твой дом, когда захочу, - заявила она, подняв подбородок. – Раз бабушка там. Я должна ее навещать.

- Будешь навещать. В установленные часы. Предварительно позвонив Людмиле, - парировал я. – Мой дом – не проходной двор, племянница.

Она сжала губы. От злости или от чего-то еще.

- Установленные часы, - повторила она с ядовитой сладостью. – Удобно. Как в тюрьме по свиданиям.

- Удобно и безопасно, - поправил я ее. – Для всех. Особенно для тех, кто любит устраивать спектакли с пощечинами на публике. Такие люди должны знать свое место и свое время.

Она замерла. Глаза ее потемнели. Я видел, как по ее щеке пробежала краска – не смущение, а гнев. Хорошо. Пусть злится. Злость проще, чем то, что брезжило между нами вчера в ее взгляде.

- Поняла, - выдохнула она сквозь зубы. – Буду звонить. Дождаться разрешения. Как всегда. И как все.

Она развернулась, чтобы уйти, но я не удержался. Рука сама потянулась и схватила ее за локоть, прежде чем она успела сделать шаг.

- И, Ксения, - заговорил я, понизив голос до шепота, который не долетал бы дальше нас двоих. – Насчет коровы. Ты переиграла. Чтобы ничего подобного я не слышал.

Она вырвала руку, будто от прикосновения раскаленного

железа. На ее лице мелькнуло что-то неуловимое – не злость, а скорее растерянность. Она кивнула, коротко, резко, и почти побежала прочь, не оглядываясь.

Я смотрел ей вслед, пока ее фигура не растворилась за углом конторы. В кармане брезентовой рабочей куртки беззвучно завибрировал телефон. Я знал, что там. Сообщение с того же номера, с которого я писал ей прошлой ночью. Она наверняка уже прочитала. Мое последнее напоминание.

Я достал телефон, глядя на пустой экран. Мы оба вели эту двойную бухгалтерию – на людях и в этих коротких, сухих смс. В ней был свой порядок. Свои правила. И я только что эти правила жестко напомнил.

Но, черт возьми, почему, когда она ушла, под навесом стало тихо, пусто и холодно?

<https://litnet.com/shrt/5z-N>

Аннотация к книге "Бедный жених Кавказа"

Я решила родить от донора. Мне моя карьера дорога. Не хочу становиться домохозяйкой. Но родителям это не понравилось. Они в шоке. И даже в смертельной панике. Решаю вопрос просто – привожу липового жениха, чтобы от меня отстали. Выбираю самого необычного. Я же уверена, что он им не понравится!- Папочка, мамочка! Знакомьтесь! Это Виктор!Папа с мамой опять в шоке. Кажется.- Сынок! – радостно восклицает отец и со слезами на глазах обнимает

нового родственника. – Родной ты наш!Что?! Может быть, мне еще и родить от него?!...

Глава 4. Ксения

Рука все еще ныла в локте там, где он ее схватил. Не больно, а как напоминание. Как клеймо.

«Все под контролем. Все. И все».

Его слова жгли сильнее, чем утренний морозец.

Он думал, что огородил свой дом правилами и расписанием. Думал, что отгородился. Глупец. Он сам дал мне ключ – беспокойство о бабушке. И я решила им воспользоваться. Сейчас.

Я шла к его дому, не по тропинке, а напрямик, через огород, где пожухлая ботва хрустела под сапогами. Двухэтажный, крепкий, из темного кирпича, он стоял, как и его хозяин, - неприступно и мрачно. Но теперь в одном из окон на втором этаже горел свет. Ее свет. Значит, правда, в синей комнате. Я помнила, как однажды она, бабушка, говорила, что это самая солнечная комната в доме, выходит на восток.

Я не стала звонить. Поднялась на крыльцо и решительно нажала на кнопку звонка. Где-то внутри прозвучала старая, дребезжащая трель.

Дверь открылась не сразу. И открыла ее она.

Людмила.

Жена.

Она стояла на пороге, вытирая руки о клетчатый фартук. Лицо у нее было обычное, немного усталое, но в глазах – не

деревенская простота, а какая-то тихая, накопленная годами пронизательность. Она смотрела на меня не как на наглую племянницу, а как на явление. Неприятное.

- Ксения, - сказала она ровно, без удивления. – Тебя не ждали.

- Я к бабушке, - заявила я, стараясь вложить в голос и дерзость, и ту самую «законную» обиженность. – Хочу провести, как она устроилась. Вдруг ей что-то нужно.

- Звонить надо было, - заметила Людмила, но не сделала движения, чтобы преградить мне путь – она просто слегка отступила, впуская меня в прихожую. – Гордей говорил.

«Гордей говорил».

Эти два слова она произнесла с таким... не то чтобы пренебрежением, а с легкой, едва уловимой горечью, будто это было какое-то неизбежное бедствие, вроде дождя в сенокос. Меня это задело.

- Ну, знаете, Людмила Степановна, - я сняла ботинки, поставила их на деревянную подставку чуть громче, чем нужно. – Когда родного человека перевозят, как вещь, без спроса, - звонок по расписанию как-то странно.

Она медленно повела на меня глазами. В ее взгляде не было злости. Была холодная, почти клиническая оценка.

- «Как вещь»? – она повторила мягко. – Он кушетку с подогревом для нее купил. Врача из района на дом пригласил. А ты, племянница, чем помогала? Кроме скандалов на всю округу?

Удар был точным и болезненным. Я чувствовала, как по шее разливается краска. Но сдаваться не собиралась.

- Я была рядом! – парировала я. – Я каждый день приходила! А вы... вы вообще здесь при чем? Кроме того, что на его шее сидите да в его доме хозяйничаете?

Я произнесла это, и тут же внутри все похолодело от собственной наглости и... правоты. Да, это был его дом. Его деньги. А она просто часть обстановки. Удобная, тихая, законная.

Людмила не вспыхнула. Она... улыбнулась. Тонко, одними уголками губ. Это была не добрая улыбка.

- Хозяйничаю, - кивнула, как будто соглашаясь. – Белье стираю, еду готовлю, детей ращу. Скучная работа. Не чета твоей, - она сделала паузу, давая этим словам повиснуть в воздухе, и ее взгляд скользнул по моей фигуре, от носков на ногах до слишком легкой, не по-деревенски нарядной кофты. – Тебе на второй этаж. Синяя комната. Только тише. Дети уроки делают.

Она развернулась и ушла обратно вглубь дома, на кухню, будто наша перепалка была незначительным эпизодом, не достойным больше ее времени. Но ее спина, прямая и негнувшаяся, говорила об обратном. Она все поняла. Может, не до конца, не в деталях, но суть – проскочившая между строк ненависть другой женщины – уловила безошибочно.

От этой мысли стало и страшно, и пьяняще. Значит, я не призрак. Значит, мое присутствие здесь осязаемо и ядовито.

Я поднялась по лестнице. Она и правда была крутовата. На площадке второго этажа столкнулась нос к носу с двумя подростками. Парень и девчонка, очень похожие друг на друга и на него – тот же тяжелый, оценивающий взгляд, те же скулы. Они смотрели на меня, как на диковинного зверя.

- Ты та самая, которая батю по морде ударила? – спросил парень без обиняков.

В его голосе было больше любопытства, чем осуждения.

- Саша! – шикнула на него сестра, но сама не сводила с меня глаз.

- А что? Все говорят, - пожал плечами Саша.

Я смотрела на них и понимала, что не могу на них злиться. Они были просто детьми в этой странной, замороженной семье. Частью пейзажа. И в них не было той скрытой угрозы, что исходила от их матери.

- Говорят много чего, - сказала я, пытаюсь сделать голос нейтральным. – Иногда даже правду.

- А к нам зачем пришла? – спросила девчонка, Лиза. – Нас пугать?

В ее вопросе была детская прямота, которая обезоружила.

- Я к вашей бабушке, - ответила я честно. – Проведать.

Они переглянулись, словно проверяя, можно ли мне верить. Потом Саша махнул головой в сторону дальнего конца коридора.

- Там. Только она, кажись, дремлет.

Я кивнула и прошла мимо них. Чувствовала их взгля-

ды на своей спине. Дети. Совсем дети. Им бы играть, а не жить в этом каменном мешке под присмотром усталой матери и невидимого отца. Мне вдруг стало их жаль. Это чувство было таким же неожиданным и неправильным, как и все остальное здесь.

Дверь в синюю комнату была приоткрыта. Я постучала костяшками пальцев и заглянула внутрь.

- Бабушка?

Она сидела в кресле у окна, закутанная в плед, и смотрела на сад. Обернулась, и ее лицо, морщинистое и бледное, озарила теплая, настоящая улыбка.

- Ксюшенька! Зашла, родная! А я думала, рассердилась на нас всех и не придешь.

- Как можно на тебя сердиться, - вырвалось у меня.

Я подошла, присела на корточки рядом с креслом, как делала это всегда. Здесь, рядом с ней, весь мой напускной пыл куда-то испарялся.

- Как устроилась? Не тяжело?

- Да что меня устраивать-то, - махнула она рукой, но глаза ее светились покоем. – Гордей все обдумал. И кушетку эту... Греет, говорят. И доктор приезжал, послушал. С сердцем, говорит, не шутки. Спасибо ему.

Она говорила о нем с такой тихой, безоговорочной любовью, что у меня в горле встал ком.

- А корову... - начала я, чувствуя, что обязана вытащить наружу этот старый предлог для скандала.

- Ох, да забудь ты про эту корову, детка, - перебила она меня ласково, но твердо. - Деньги за нее он мне отдавал, да я сама не брала. Сама знаешь, он упрямый. Забрал ее, Белку-то, потому что мне уже не потянуть было. А сейчас... сейчас и вовсе. Зимовать одной-то страшно стало. Вдруг што... а я одна. Вот он и перевез. Чтобы под присмотром.

Она говорила так просто, так по-человечески, что вся моя выстроенная картина мира – где он тиран, а я защитница – дала трещину. Он не украл корову. Он забрал обузу. Он перевез старую мать, потому что боялся, что она умрет в одиночестве. И сделал это грубо, по-свиридовски. Без лишних сантиментов, но сделал.

И я сидела здесь, обнимая ее за тощие плечи, и понимала, что боюсь. Боюсь не его гнева, не провала миссии. Я боялась потерять ее. Эту тихую гавань, этот островок абсолютной, безоценочной доброты в море собственной лжи. Когда-нибудь мне придется исчезнуть. Резко и навсегда. И она будет плакать. И винить себя. Или его. И это будет моя вина. Самая страшная из всех.

Мы поговорили еще немного, о пустяках. Она показала мне, как все разложено на тумбочке, как удобно. Я слушала ее тихий голос и впитывала этот покой, как противоядие.

Уходя, я поцеловала ее в морщинистую щеку, пахнущую лавандой и старостью.

- Приду еще, - пообещала я, и это была, наверное, единственная чистая правда за весь день.

Я вышла из комнаты. В коридоре было пусто. Дети, видимо, ушли к себе. Спускаясь по лестнице, прислушивалась. Ни звука с кухни. Людмила, должно быть, там, заперлась со своими мыслями.

Это давало мне время. Я шла медленно, нарочито медленно, вглядываясь в дом. В добротную, немного мрачноватую мебель. В ковер на полу в гостиной, выцветший от времени. В фотографии на стенах – он, молодой, с Людмилой на свадьбе, дети маленькие, какая-то старая семейная фотография с его отцом и братом... Моим отцом. Ком застрял в горле. Все здесь было пропитано его присутствием. Его волей. Его деньгами. И было в этом что-то удручающе прочное. Настоящее.

Но это только укрепляло мою решимость. Если я хочу добраться до него, то теперь я знаю дорогу. Теперь я здесь «законна». Хотя бы на полчаса в день.

Я дошла до прихожей. Надела ботинки. Сердце колотилось уже не от страха, а от предвкушения. Я сделала первый шаг. Я прошла в его крепость. И меня не выгнали.

С этим победным, темным чувством открыла тяжелую входную дверь и вышла на крыльцо...

... и тут же наткнулась на стену.

Не на кирпичную. На живую. Из дубленой кожи, теплой овечьей шерсти и холодного осеннего гнева.

Он стоял, прислонившись к косяку, сложив на груди свои чудовищные руки. Должен был быть на ферме, на разборках

с теми городскими. Но он был здесь. Ждал.

Его лицо было в тени, но я видела, как блеснули его глаза. Не серые. Черные, как смоль на доньшке колодца.

Он не сказал ни слова. Просто оттолкнулся от косяка и сделал шаг вперед, загораживая мне путь с крыльца во двор. Его тень накрыла меня с головой.

Я замерла, чувствуя, как вся моя недавняя уверенность разбивается вдребезги о каменную реальность его присутствия. Контракт, правила, расписание – все это было бумажкой перед лицом вот этого молчаливого, животного недоверия.

Он поднял руку. Не для удара. Он просто указал большим пальцем через плечо, в сторону темного прохода между домом и глухим забором. Туда, где не было окон. Где никто не мог увидеть.

Его губы, наконец, шевельнулись, выдавив одно-единственное, тихое слово, которое прозвучало громче любого крика:

- Пошли.

<https://litnet.com/shrt/Ognb>

Аннотация к книге "Неформальная невеста Кавказа "

- Мама, - пытается вернуть ее в реальность Аслан. – Донесу до тебя все сложности. У нее фиолетовые волосы. Подумай, как ее здесь примут и...
 - Нормально примут! –

смотрит гневно мать, будто уже воюет с сыном за то, что тот не принял мою суженную, хотя брат имел в виду другое. – А кто примет ненормально, тому я объясню, как...
Отец останавливает мать, взяв ее за руку.
- Даю месяц на то, чтобы эта девушка сидела за нашим столом в качестве твоей невесты, - заключает отец, смотря на меня серьезно. – Женой вряд ли. Но невестой... Иначе, - добавляет, - женишься на Гульнаре.
- Я не женюсь на Гульнаре, - чуть ли не с ненавистью смотрю на отца.
- Месяц, сынок. Месяц...
- Да как же я за месяц, пап?! – кричу в отчаянии.
- Семья поможет, - кивает он на моих братьев и сестер...

Глава 5. Гордей

Ее шаги замерли на деревянных досках крыльца. Я не видел ее лица, но чувствовал – в ее позе, в короткой задержке дыхания, промелькнула не растерянность, а что-то вроде яростного торжества.

Получилось. Прошла. Увидела.

Потом она сделала шаг вперед, и наткнулась на меня.

Я стоял, прислонившись к косяку, как часть стены, как продолжение собственного дома. Сложил на груди руки, давая понять – дальше никуда. Она отпрянула, и в ее широко распахнувшихся глазах отразился сначала испуг, а затем вызов. Быстрый, как удар хлыста.

- Пошли, - указал в какую сторону идти, оставаясь на месте, а лишь подняв руку.

Ксения приоткрыла рот, чтобы возразить, но я лишь легким прищуром заставил ее замолчать. Чтобы не применять физической силы, чтобы проконтролировать себя, развернулся и пошел в указанную сторону первым.

Стоя в тени старого сарая для инвентаря, куда не доносились ни звуки из цеха, ни голоса рабочих, ждал. Чувствовал ее приближение кожей спины, еще до того, как услышал шаги по щебню.

Она подошла сзади и остановилась, не дыша, в двух шагах. Я обернулся.

- Навестила бабушку? - спросил, не двигаясь с места.

Голос прозвучал ровно, без эмоций. Как констатация факта.

- Да, - выдохнула она, оправляясь, подбородок вздернула. – И что? Ты же сам сказал – в установленные часы. Я установила. Сегодня. Сейчас.

- Без звонка. Без предупреждения, - делаю шаг вперед, и моя тень полностью накрыла ее. – И, как я слышал, еще и наговорила лишнего Людмиле.

- Она сама начала! – вспыхнула она, когда дерзость вернулась, подогретая адреналином от только что пережитой «победы». – Смотрела на меня, как на... на грязь с улицы!

- Потому что ты и есть грязь с улицы, которая пришла в мой дом без спроса, - отрезал я, делая еще шаг вперед.

Ксения инстинктивно отступила. Я продолжал двигаться, заставляя ее отходить дальше, в узкий, глухой проход между домом и высоким глухим забором. – Ты думала, открыв тебе дверь к матери, я открою тебе весь дом? Думала, сможешь шнырять по коридорам и совать нос куда попало?

Мы оказались в полумраке. Свет из кухонного окна хватывал только ее разгоряченное лицо да мои руки, сжатые в кулаки.

- Я совала нос в комнату к бабушке! И то, потому что ты ее сюда перевез, как вещь! – она шипела, не сдаваясь, но в ее глазах уже мелькала тревога.

От замкнутого пространства. От моей близости.

- Матери лучше здесь, - сквозь зубы процедил я. – Под присмотром. В тепле. И ты не имеешь права осуждать мои решения. Ни по этому поводу, ни по какому другому.

- Ты слишком много на себя берешь, дядя, - голос ее дрогнул, но не от страха, а от сдерживаемой ярости. – Бабкой вертишь, жену и детей, как мебель, по углам расставил... Решил, что и моей жизнью будешь вертеть? Как уже... как уже сделал однажды?

Последние слова она выдохнула тише, но они повисли в холодном воздухе между нами. Тяжелые и опасные, как неразорвавшаяся граната. Это была атака ниже пояса. Выход за границы сегодняшней ссоры. Намек на ту самую старую рану, на ту причину, по которой мы вообще были здесь, в этой деревне, играя эту дурацкую, изматывающую пьесу.

Меня будто ошпарило. Злость поднялась комом в горле, горячая и слепая. И вместе с ней – другое. Греховное, острое желание заткнуть ей рот не словами. Придавить к шершавому, холодному дереву забора. Стереть с ее лица это выражение дерзкого всезнайства.

Я сделал еще шаг. Мы стояли так близко, что я чувствовал исходящее от нее тепло, запах дешевого мыла и чего-то сладкого – может, от бабушкиного варенья. Она не отступила больше. Дышала часто, ноздри трепетали. Ее взгляд уперся в мою грудь, не в силах подняться выше.

- Твоя жизнь, - прошипел я, наклоняясь так, что мои губы почти касались ее уха, - висит на той же нитке, что и все

остальное здесь. И если ты думаешь, что несколько минут в моем доме дают тебе какие-то права или понимание... ты глубоко ошибаешься.

- Гордей!

Голос прозвучал четко и резко из конца прохода.

Люда.

Она стояла там, на границе света и тени, с пустой корзиной для белья в руках. Сколько она слышала, не знаю. Но выражение ее лица было красноречивее любых слов: холодное, пронзительное осуждение, смешанное с усталой горечью.

- Люди видят, - сказала она ровно, без повышения тона. – Негоже дяде с племянницей так... в темноте, наедине. Сплетни поползут хуже, чем от пощечин.

Ее вмешательство, ее правильный, невыносимо спокойный тон вонзились в мой гнев, как лезвие в масло. Я резко выпрямился, отрываясь от Ксении, и развернулся к жене.

- Иди в дом, Людмила, - прорычал я, и голос звучал чужим, перегруженным ядом. – И закрой дверь. Что негоже, а что гоже – здесь решаю я. Не ты.

Она не двинулась с места. Стояла, прямая и негнущаяся, и ее молчание было громче крика.

- В дом, я сказал! – рявкнул я, теряя последние остатки терпения.

Люда медленно, с убийственным достоинством, перевела взгляд с меня на Ксению и обратно. Кивнула. Один раз. Коротко. Без тени покорности. Словно ставя точку в этом

неприглядном зрелище. Потом развернулась и ушла, не в дом, а обратно во двор, оставив нас в еще более тягостном, наэлектризованном молчании.

Это ее неповиновение добило меня. Все внутри закипело, требуя выхода. Власти. Подчинения. Хоть какого-то подтверждения, что я все еще хозяин положения.

Я снова обернулся к Ксении, готовый обрушить на нее весь этот невысказанный яд.

Но ее место в тени было пусто.

Я метнул взгляд к выходу из прохода. Она уже была далеко, почти у калитки, шла быстро, почти бежала по направлению к своему дому, не оглядываясь. Ее прямая спина, ее вздымающиеся плечи – все это было одним большим, презрительным жестом.

Она просто ушла. Слиняла. Не дождавшись разрешения. Не дослушав.

Я остался один в узком темном проходе, с кулаками, сжатыми до боли, и с бешеным, унижительным желанием, которое так и не нашло выхода. Воздух пах влажной землей, деревом и едва уловимым, оставшимся от нее запахом девичьей кожи.

Снаружи дверь в дом захлопнулась. Люда, видимо, все-таки зашла внутрь. Я двинулся туда, не думая, ведомый слепой, животной яростью и потребностью доказать хоть что-то хоть кому-то. Ввалился в прихожую, хлопнув дверью так, что задребезжали стекла в буфете.

Люда сидела в гостиной, у печки, с этим чертовым вязанием в руках. Подняла на меня глаза. Без страха. Без ожидания. С той же холодной, всепонимающей оценкой, что и минуту назад.

Я подошел к ней, заслонив собой свет от лампы. Дышал тяжело, в груди все ходуном ходило. Схватил ее за руку выше локтя, грубо, стягивая с кресла.

- Брось эту ерунду.

Она не выронила спицы. Не дрогнула. Ее рука в моей хватке была тонкой, но не слабой.

- Что ты делаешь, Гордей? – спросила она тихо, как будто разговаривала с буйно помешанным.

- То, что должен был делать, - выдохнул я, тяня ее к себе.

От нее пахло стиральным порошком, хлебом и тишиной. Этот уютный, домашний запах разозлил меня еще сильнее.

- Я – муж. Ты – жена. Или ты тоже забыла, как это?

- Муж? – она перебила меня, и засмеялась сухо, беззвучно, одними губами. – Ты – хозяин. Хозяин этого дома, своей фермы, своих денег. Муж... муж должен быть рядом. А не приходить со двора, пропахший чужим гневом и чужими духами, и требовать с жены то, что ему не додали там.

Она вырвала руку одним резким, сильным движением. Я от неожиданности отпустил.

- Ты хочешь быть мужем? – продолжала она, выправив спину, и ее голос звенел, как лед. – Начни с разговора. Не с приказа. Потом, может быть, дойдет и до другого. А пока...

я – не стог сена, чтобы на меня падать, когда удобно. И не та вещь, которую можно взять силой, потому что завелись от бессилия.

Она отступила на шаг, поправила сбившуюся прядь волос. В ее глазах не было ни вызова, ни мольбы. Была окончательная, бесповоротная усталость.

- Когда решишь, кем хочешь быть в этом доме – приходи. Поговорим.

Люда развернулась, и так же медленно и достойно, как ушла со двора, поднялась по лестнице на второй этаж. Ко второй одинокой старухе в этом доме. Оставив меня внизу. С пустотой внутри, с гневом, которому некуда было деться, и с непривычным, горьким осадком правды, которую я только что услышал.

Снаружи окончательно стемнело. Где-то там, за полем, в своем домике, она, наверное, уже пила чай со своей слепой матерью. А я стоял посреди своей гостиной. Хозяин всего, что видел глаз, и не мог ответить на простой вопрос, заданный мне за вечер уже дважды разными женщинами: кто я здесь на самом деле.

<https://litnet.com/shrt/uvfB>

Аннотация к книге "Худеющая невеста Кавказа "

- Слушай ты, - перехожу на «свой» привычный язык, - да если я захочу, похудею быстро и безболезненно. А вот ты,

- тыкаю в него пальцем, упершись в стену из мускул, - так и останешься самодовольным наглецом.

 Все опять замирают.

 Сердце начинает колотиться, когда кавказец наклоняется, чтобы с улыбкой произнести:

 - Похудеешь? Женюсь сразу же, - говорит тихо, но угрожающе.

 Толпа ахает.

 - Ха, - задираю нос и чуть ли не упираюсь кончиком в его подбородок, - да легко и просто!

 Кавказец подмигивает мне одним глазом. Вроде как пари у нас «зафиксировано» официально.

 Разворачиваюсь на пятке, чтобы победоносно удалиться.

 - А в чем логика? – тихо и растерянно произносит Аля мне в спину.

 Ой, подруга... Логика есть! И расскажу о ней тебе позже...

Глава 6. Ксения

Воздух в коровнике стоял густой, как кисель. Пар от навоза, запах сена, силоса и теплого, живого молока. Сквозь щели в стенах пробивались лучи низкого сентябрьского солнца, выхватывая из полумрака кружащиеся пылинки и мои руки, красные от ледяной воды. Я скребла бетонный пол щеткой с длинной ручкой, в такт движению мысленно отсчитывая часы.

До вечера.

До темноты.

До момента, когда можно будет сбросить эту проклятую рабочую робу, пропахшую навозом, и... И ничего. Просто сбросить.

- Максимова!

Голос пробил шум мычания и плеск воды, как пуля. Я вздрогнула, обернулась. Он стоял в проходе, заслоняя собой дверь на выгул. В комбинезоне, забрызганном грязью, он казался еще массивнее. Частью этого темного, душного мира. Его взгляд скользнул по мне, от мокрых сапог до растрепанных волос, и в нем не было ничего, кроме привычного, ледяного неодобрения.

- У тебя что, праздник? Пол должен блестеть, как в операционной!

- Я мою, - сквозь зубы процедила я, чувствуя, как закипает

злость.

Настоящая, неигровая. Спина ныла, руки замерзли.

- Вижу, как ты моешь. Лениво. Ворон считать учишься, - он сделал несколько шагов вглубь, и его тяжелые ботинки гулко застучали по бетону. – После обеда – в убойный цех. Там полы тоже подметать нужно. И не ной. Все через это проходят.

В убойный. Туда, где воздух пропитан запахом крови и страха, где стены до сих пор хранят эхо последнего крика. Это была не просто черная работа. Это было унижение. И он это знал.

Я не ответила. Только сильнее вцепилась в ручку скребка. Он постоял еще мгновение, как бы давая приказу впитаться, потом резко развернулся и вышел, хлопнув дверью. Я закрыла глаза, пытаюсь сдержать тряску, которая поднималась откуда-то из глубины живота. Не плакать. Ни в коем случае.

Через час я тащила мешок с отрубями в дальний пустой ангар, где хранился старый, неиспользуемый инвентарь. Солнечный луч, пробивавшийся сквозь разбитое слуховое окно, резал полумрак золотой полосой. Я поставила мешок, выпрямилась, растирая онемевшее плечо.

И тут из тени, из-за горы сложенных ящиков, вышел он.

Мы были одни. Ни звука, кроме далекого гудка трактора. Я замерла. Он подошел вплотную, не говоря ни слова. Его лицо в полутьме было нечитаемо. Потом его рука – та самая, огромная, в потертой кожаной перчатке, - поднялась. Не для

удара. Она легла мне на талию, поверх грубой ткани спецовки. Легко, почти невесомо. Но прикосновение обожгло, как раскаленное железо. Вся моя усталость, вся злость куда-то испарились, сменившись густым, сладким ужасом.

Я не дышала.

Моя собственная рука, будто сама по себе, поднялась. Кончики пальцев, тоже в тонкой рабочей перчатке, коснулись его предплечья, там, где рукав закатан, обнажая кожу, покрытую пылью, веснушками и темными волосками. Я провела одним пальцем снизу вверх, по жилистому бугру мышцы. Это длилось меньше секунды. Молния ударила от точки соприкосновения прямо в сердце, заставив его бешено колотиться.

В его глазах, расположенных сейчас так близко, что я видела каждый реснитчатый луч вокруг зрачка, что-то дрогнуло. Что-то темное, жаждущее и безумно опасное.

И тут же, громче, чем нужно, рывкнул его голос, отскакивая от стен ангара:

- Максимова, не зевай! Мешки сами в склад не перетаснутся! Видишь, сколько работы?!

Он отшатнулся, как от огня, сдернул руку. Прикосновение исчезло, оставив после себя только жгучую, лживую пустоту. Я кивнула, тупо, как автомат, схватила пустой мешок и почти выбежала из ангара на слепящий дневной свет. Спина горела там, где лежала его ладонь.

День тянулся мучительно, разрываясь между унижитель-

ной работой под его придиричивым взглядом и пьянящими воспоминаниями о том одном миге в темноте. Он ловил меня в таких уголках еще два раза. У стойла с больной телкой, когда делал вид, что проверяет мою работу, а его колено на секунду уперлось в мое бедро. И в подсобке, куда я зашла за веником, а он уже был там, и его палец, быстрый и жесткий, провел по моей вспотевшей шее, прежде чем вытолкнуть меня наружу с криком:

- Шевелись, к обеду не успеем!.

Это была пытка. Это был наркотик. Каждая его грубость на людях делала эти украденные секунды тишины и прикосновений в сто раз острее. Игра на износ. Игра на грани. Я ловила себя на мысли, что жду этих «случайностей». Ненавидела себя за это. И не могла остановиться.

К вечеру я едва волочила ноги. Запах крови из убойного цеха въелся в кожу, в волосы, под ногти. Я отдраивала себя под ледяным душем в бытовке, пока тело не стало розовым и онемевшим. Лишь бы смыть.

Домой я шла в предвечерних сумерках. Небо на западе полыхало алым и золотым, но от этого великолепия веяло холодом. В доме, где мы жили с мамой, пахло тушеной картошкой и ладаном. Надежда Степановна, моя слепая мать, сидела в своем кресле, лицом к уже темному окну, как будто все равно что-то разглядывая. Ее руки, тонкие и нервные, перебирали четки.

- Ты поздно, - сказала она, не оборачиваясь.

Голос у нее был нежный, но сегодня в нем звучала сталь.

- Работа, - коротко бросила я, скидывая куртку. – Убойный сезон.

- Я чувствую, - она понюхала воздух. – Не только кровью от тебя пахнет. Нервами. Ты вся натянута, как струна.

Я промолчала, прошла на крохотную кухню, налила себе воды. Руки все еще дрожали.

- Он испытывает тебя, - продолжила она, и в ее словах не было вопроса, а было знание дела, мужской психологии. – Давит. Подпускает близко, чтобы потом отшвырнуть. Так хищники играют с добычей.

Я обернулась, опершись спиной о раковину.

- Какая добыча? Я ему не добыча. Я – работница. Назойливая племянница. Все.

Она медленно повернула ко мне свое невидящее лицо. Бельма глаз казались мутными, но в них, как мне иногда казалось, пряталась чудовищная, всевидящая зоркость.

- Ты выбрала опасный вариант, Ксения, - произнесла она тихо, но четко, отчеканивая каждое слово. – Самый опасный. Играть с огнем в его же доме, на его земле. Он почуял это. И ему это нравится. Но когда ему наскучат игры... он не станет прогонять тебя. Он просто сотрет. Как стирают грязь с сапога. Помни это.

По спине пробежал ледяной пот. Она говорила не о деревенских сплетнях. Она говорила о чем-то гораздо большем. Как будто знала... знала суть.

- О каком варианте вы говорите? – спросила я, и голос прозвучал хрипло. – Я просто делаю то, что должна.

- Должна? – она усмехнулась, сухо, почти беззвучно. – Ты давно уже перестала делать то, что «должна», детка. Ты делаешь то, что хочешь. И в этом твоя главная ошибка. Хотеть здесь ничего нельзя. Здесь можно только терпеть. Или брать. А ты... ты застряла посередине. В самом гиблом месте.

Она снова повернулась к окну, закончив разговор. Ее неподвижная фигура в полутьме казалась древним оракулом, изрекшим страшное пророчество.

Я стояла на кухне, прижимая холодный стакан к горячему лбу. За окном окончательно стемнело. Где-то там, через поле, в своем крепком кирпичном доме, он, наверное, ужинал со своей холодной женой и молчаливыми детьми. Или сидел в кабинете, считая деньги, добытые сегодняшним убоим.

А я была здесь. Пропахшая кровью и страхом, с телом, которое все еще помнило жар его прикосновений, и с душой, разорванной на части притворством. И слова слепой женщины звучали в ушах единственной правдой, от которой не было спасения.

Я застряла. И не было ни сил, ни желания выбираться.

<https://litnet.com/shrt/ugm8>

Аннотация к книге "Строптивая невеста Кавказа "

Через десять лет Женя и Тимур переживают кризис в от-

ношениях. Он хочет ребенка. Она тоже хочет ребенка. У него есть условия. У нее тоже есть условия. Противостояние героев. Противостояние культур, семейного уклада. Кто победит? Мужчина? Или будущий отец, который прочувствует все тяготы беременности Жени в буквальном смысле этого слова? В БУК-ВАЛЬ-НОМ.

 Мы отправимся с вами в прошлое. Узнаем, с чего все начиналось, чтобы насладиться взаимоотношениями любимых героев с самого начала их знакомства! А также погрузимся в историю, где будущему отцу придется сложнее всего, ведь постоянный контроль и планирование могут привести к полному перевороту в жизни! И даже в здоровье! ##

 ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ ЦИКЛА

Глава 7. Гордей

Половина второго ночи. Сентябрьская ночь за окном кабинета была черной и беззвездной, как будто кто-то натянул над Лесной Гривой бархатное покрывало. В доме тишина – Люда спит наверху, мама, наверное, тоже. Дети. Тишина эта была обманчивой, как спокойствие перед бурей. Моя настоящая работа начиналась сейчас.

Я потушил свет в кабинете, встал из-за стола. Тело гудело от дневной усталости, но внутри все было натянуто, как тетива. Четко, холодно, готово к делу. Я вышел через черный ход, не зажигая фонарика. Тропинку к дальним ангарам знал с закрытыми глазами.

Воздух был холодный, обжигающе чистый после дневной вони от убойного цеха. И тихий. Такой тишины днем не бывает – ни мычания, ни лая собак, только редкое шуршание сухой листвы под ногами и собственное дыхание. Я – призрак в своем же царстве.

Четвертый ангар. Не самый крупный, стоял немного в стороне, за ветлами. Днем здесь хранили старые сеялки и запчасти. Ночью он оживал.

Я подошел к боковой двери, вставил ключ, щелкнул тяжелым замком. Дверь со скрипом поддавалась. Внутри пахло маслом, железом и пылью. Я зашел, закрылся изнутри, щелкнул выключателем. Загорелись несколько тусклых лампочек

под потолком, отбрасывая желтые круги на бетонный пол. Идеально.

Схема работала, как часы. Просто и гениально, как все по-настоящему прибыльное. Днем – легальная ферма «Свиридовские бычки». Мы забиваем свой скот, мясо едет в сети, в рестораны, деньги каплют на расчетный счет. Чисто, прозрачно.

А ночью... Ночью сюда, под видом поставки кормов или запчастей, приходило «левое» мясо. Не мое. Его везли с юга, из соседних областей, где не было таких строгих ветконтролей, где можно было купить краденую скотину за копейки. Или сбитую на трассе. Или больную, но еще не павшую. Его привозили в рефрижераторах с поддельными документами, с маркировкой моего же хозяйства. На моей же бойне, в перерыве между легальными сменами, его разделявали, обрабатывали, упаковывали в фирменные коробки. И оно уезжало в тот же поток. Никто не отличал стейк от «черной» коровы от стейка от моего, откормленного зерном бычка.

Разница в себестоимости была в десятки раз. Прибыль – чудовищная. И главное – ее нельзя было отследить. Она была наличными. В пачках, которые сейчас лежали в сейфе в кабинете. И в крипте, на кошельках, о которых не знал никто.

Но это была только половина дела. Вторая половина – «прачечная». К этому мясу я привязывал «грязные» деньги тех, кому нужно было их обналичить. Они «платили» мне за несуществующие тонны кормов или ветуслуги по бешеным

ценам. Я отгружал им накладные, а они получали обратно свои же деньги, но уже «чистыми», пройдя через кассу моих мясных лавок. За это я брал свой процент. И тоже наличными.

Четвертый ангар был логистическим хабом. Здесь сходились ниточки. Здесь я встречал поставщиков «левого» товара и клиентов «прачечной». Никогда вместе. Все по отдельности. Никаких свидетелей.

Я проверил время. Скоро должен был подъехать Камаз с «грузом». Я прошел к задним воротам, отодвинул тяжелый засов. Ворота выходили на проселочную дорогу, которая вела в лес, а не через деревню. Идеально.

Осталось ждать. Я прислонился к холодной стене, закурил. Дым табака перебивал запах машинного масла. В голове прокручивались цифры. Объемы этой ночи. Процент. Чистая прибыль. На нее можно было купить еще один такой ангар. Или оплатить учебу детей где-нибудь в Швейцарии, о чем Люда иногда робко заговаривала. Не сейчас. Потом. Когда все будет абсолютно безопасно.

Безопасно... Это слово теперь казалось эфемерным. Слишком много переменных. Слишком много людей, которые что-то могут заподозрить. Особенно одна. Та, что смотрела на меня днем с вызовом, а в темноте ангара позволяла прикоснуться к своей талии.

Я резко стряхнул пепел. Не сейчас. Сейчас нужна абсолютная концентрация. Холодная голова. Чувства – это рос-

кошь, которую я не мог себе позволить. Не здесь. Не в этом деле.

Вдалеке, сквозь ночную тишину, донесся приглушенный рокот двигателя. Мои пальцы сами собой потушили окурок. Время начинать. Я откинулся от стены, приняв привычную, непробиваемую позу хозяина, который держит под контролем абсолютно все.

Где-то в этом черном бархате ночи мчался грузовик с моим будущим. С деньгами. С риском. С той самой жизнью, ради которой я и строил эту крепость из мяса, денег и лжи.

<https://litnet.com/shrt/D-RN>

Аннотация к книге "Пышка для Дерзкого "

- Стоять...
 Негромко и без лишнего устрашения, но так, что я не просто встаю перед преградой в виде руки бритоголового, но тону в его глазах.
 Дерзкий...
 Что в нем дерзкого? Умный. Вдумчивый. Добрый. Со мной ласковый. Даже слишком...
 - Дерзкий! Опять себе телку с лучшими буферами хапаешь?! Пацанам бы хоть оставил!
 Но он молчит. Практически нависает надо мной и молчит. Он не отдаст. Не отдаст меня ни пацанам, ни кому-либо еще.
 Зачем?
 Чтобы своей сделать. Подчинить. Влюбить. А потом просто растоптать...
 - Таисия Михайловна, у вас был половой контакт с Федором Егоровичем? – спрашивает следователь.
 - С кем? – не понимаю

сразу.
 - У него кличка «Дерзкий».
 - Был...
 - Защищенный?
 - А это здесь при чем? – пытаюсь быть такой же дерзкой, как и ОН.
 - А вы знали о его проблемах со здоровьем? – без эмоций на лице.
 - Нет.
 - А он знал... И вы такая не единственная...

Глава 8. Ксения

Утро началось с ледяного, пронизывающего тумана. Он стлался по низинам, заволакивал лес на горизонте и оседал мельчайшей росой на волосах и ресницах. Ферма просыпалась в этой молочной дымке, и звуки – скрип дверей, мычание, крики рабочих – доносились приглушенно, словно из-под воды.

Меня, как обычно, поставили на самую черную работу – мытье полов в цехе первичной переработки после ночной смены. Вода в шланге была ледяная, резиновые перчатки тонкие и рваные. Я отдраивала бетон, с которого уже смыли основную грязь, но который все еще хранил розоватые разводы и тот специфический, сладковато-металлический запах, от которого сводило скулы. Работа была отупляющей, и это было хорошо. Не надо было думать. Не надо было вспоминать прикосновение его руки в темноте или ледяные глаза его жены.

Я почти закончила, когда в цех зашел Пашка, один из постоянных механиков. Лицо у него было озабоченное.

- Эй, Максимова! Брось тут, начальник просил. В четвертый ангар сбегай, там на верстаке ящик с масленками левый. Принеси в мастерскую, срочно нужно.

Я кивнула, выключила шланг. Четвертый ангар. Тот самый, что стоял особняком за ветлами. Я видела его только

издали. Там, по слухам, хранился старый хлам. Гордей никогда не посылал меня туда. До сегодняшнего дня.

По дороге туман немного рассеялся, превратившись во влажную, серую дымку. Ангар действительно выглядел заброшенным: облупившаяся краска, ржавые стены, заросшая колея перед воротами. Но огромный навесной замок на калитке для людей блеснул новизной. Я потянула – он был открыт. Странно.

Дверь в сам ангар тоже не была заперта. Я толкнула ее, и она со скрипом подалась внутрь. Полумрак, запах пыли, масла и... чего-то еще. Что-то неуловимое висело в воздухе, перебивая привычные фермерские ароматы.

Я вошла. Внутри было просторно и пусто. В луче света из слухового окна плавали пылинки. На полу – следы. Не просто пыльные. Четкие, черные полосы от шин. Не от колес трактора или телеги. От грузовика. Большегрузного. Они шли от главных ворот к дальнему углу, где на бетоне были явные, свежие потеки – не масла, а чего-то темного, засохшего. Я подошла ближе, присела на корточки. Запах усилился. Кровь. Но не та, что в цеху. Другая. Более резкая, словно от старой, застоявшейся крови. И еще... отдаленный шлейф дезинфектанта и чужака. Как от животного, которое везли долго и в стрессе.

Я встала и обвела взглядом ангар. В углу, рядом с кучей старых покрывал, валялся смятый клочок бумаги. Я подняла его. Товарно-транспортная накладная. Уголок. На нем – на-

звание какого-то ООО «Агро-Юг», печать, штамп. И главное – дата. Вчерашнее число. И подпись получателя... неразборчиво, но я узнала этот размашистый, жесткий почерк. Его почерк.

В голове все щелкнуло, как в хорошо отлаженном механизме.

Четвертый ангар. Ночные поставки. Чужой скот. Чужая кровь на полу, не прошедшая через наши цеха. Привозное мясо. Левое мясо. Оно не значилось в официальных отчетах, которые я мельком видела в его кабинете. Это был теневой оборот. Черная касса в самом прямом смысле.

Мне не надо было долго думать, чтобы сообразить остальное. Ферма – идеальный насос. Через нее можно не только продать «левое» мясо, но и прогонять деньги. Оборот должен быть колоссальным. И все это – здесь, под носом у всей деревни, под прикрытием его репутации жестокого, но честного работяги.

Я стояла посреди ангара, сжимая в руке обрывок накладной, и чувствовала, как по спине бегут мурашки. Не от страха. От азарта. Острого, головокружительного.

Мне не рассказывали деталей. Мне сказали: «Узнай все детали. Нам нужны подробности». И вот оно. Ключ. Прямой, грубый и пахнущий кровью.

Первой мыслью было – немедленно сообщить. Но я тут же ее отогнала. Нет. Слишком рано. Это козырь. Не в их руках, а в моих.

Если раньше я была шпионом, собирающим пазл по кусочкам, то теперь я держала в руке целый готовый фрагмент. И этот фрагмент давал мне власть. Над ним.

Он думал, что контролирует меня графиками, приказами, украденными прикосновениями в темноте. Он думал, что я – всего лишь дерзкая девчонка, заигравшаяся в опасные чувства. Он не знал, что я знаю это. Что я могу войти в эту его святая святых и найти улики.

Но я не хотела просто доложить. Я хотела... использовать. Я хотела видеть, как его ледяное спокойствие даст трещину, когда он поймет, что я знаю. Я хотела повернуть эту игру так, чтобы не он вел меня по своему двору в темный угол, а я могла диктовать условия. Чтобы его желание и его страх работали на меня.

Это был шаг через грань. Раньше я собирала информацию для будущего удара. Теперь я брала ее в качестве залога. Залога в нашей личной, извращенной дуэли.

Риск был чудовищный. Если он заподозрит, что я не просто случайная свидетельница, а целенаправленный враг... Если он сломается и решит не играть, а просто устранить угрозу... Все. Миссия провалена. Я проиграю все. И не только миссию.

Но азарт перевешивал. Страх был острым, почти сладким. Как тот момент перед пощечиной.

Я сунула обрывок накладной в карман рабочей куртки, стряхнула с рук невидимую пыль и вышла из ангара, плот-

но прикрыв за собой дверь. Туман почти совсем рассеялся, открыв бледное сентябрьское солнце. Я нашла ящик с масленками на верстаке, как и сказал Пашка, и понесла его в мастерскую, двигаясь размеренно, как ни в чем не бывало.

Но внутри все пело. Я знала его тайну. И теперь он должен был это узнать. Не от анонимного звонка, не от чужих людей. От меня. Лично. И я решу, что будет дальше.

Это была власть. Опасная, скользкая, смертельная. И она была теперь в моих руках.

<https://litnet.com/shrt/IE5B>

Аннотация к книге "Лживая для Грозного "

Я стала пленницей Грозного за долги своего покойного брата. Вот только похититель считает, что мой брат жив. А гибель была инсценировкой. Меня обещали пытать и держать взаперти, чтобы вызвать его гнев. Или же получить от меня признания, где спрятаны деньги. Грозный уверен, что я была сообщницей близкого родственника. Его наивность вызывает у меня улыбку. Понимая, что брат за мной не придет, а Грозный – далеко не единственный, кто хочет выбить из меня деньги в прямом смысле этого слова, мне приходится выкручиваться. Я даже предпринимаю попытки соблазнения, сама не замечая, что попадаю в собственный же капкан...

Глава 9. Гордей

Деньги. Они лежали на столе в кабинете, пахли пылью, потом и чем-то едким – краской с новеньких купюр. Деньги с прошлой ночи. Я не считал. Я планировал. Разделял на стопки: эти – на зарплату чернорабочим, эти – на взятку ветинспектору из района, эти – на «корм» для нужных людей в городе, а вот эти, самые толстые пачки, снова отправятся в сейф, а оттуда – в офшорную тишину.

Рутинная работа. Успокаивающая. В ней был свой порядок, своя ясность. Все по полочкам. Никаких эмоций.

Стук в дверь был резким, без предупреждения. Не Люда – та стучала бы тихо и ждала. Не работник – те боялись даже подходить к кабинету. Я успел накрыть деньги старым свитером, валявшимся на стуле, прежде чем дверь открылась.

Вошла она.

Ксения.

Стояла на пороге, не здороваясь, не извиняясь за вторжение. В лице – ни тени утреннего тумана или усталости от работы. Только какая-то внутренняя, натянутая как струна, собранность. Опасная собранность.

- Дядя. Нужно поговорить.

- Рапорт о помытых полах можешь оставить бухгалтеру, - бросил я, откидываясь на спинку кресла, стараясь выглядеть расслабленным.

Но все внутри насторожилось. Такого взгляда у нее еще не было. Это был не вызов и не обида племянницы. Это был взгляд человека, который пришел на переговоры. С козырем.

- Не о полах, - она закрыла дверь и сделала несколько шагов вглубь кабинета, остановившись перед столом и упираясь ладонями и красными от холодной воды пальцами в его край. – О твоём четвертом ангаре.

Лед тронулся где-то в глубине грудной клетки и медленно пополз по венам. Все внутри замерло. Я не подал виду.

- И что с ним? Старые сеялки ржавеют?

- Они не ржавеют, - она сказала тихо, четко выговаривая каждое слово. – Они пахнут. У тебя там, дядя, не то мясо пахнет. Не твое, свиридовское. Чужое. С горем пополам и страхом. И следы от шин не от наших тракторов. И бумажки валяются... с печатями из других краев. Вчерашние.

Тишина в кабинете стала звенящей. Я смотрел на нее, а она смотрела на меня, и в ее серых глазах не было ни страха, ни торжества. Было холодное, расчетливое ожидание. Она ждала моей реакции.

Я медленно поднялся из-за стола. Руки сами собой засунул в карманы брюк, чтобы скрыть малейшее дрожание. Это не было страхом разоблачения. Страх был знакомым чувством, с ним можно было бороться. Это было нечто иное. Ярость. И разочарование. Острое, горькое, как полынь.

- Тебя туда не посылали, - произнес я голосом, ровным и ледяным, как поверхность пруда перед ледоставом. – Забудь,

что видела. И никогда больше туда не ходи.

- Забуду, - кивнула она, и в ее согласии не было ни капли покорности. – Легко. А если... не забуду? Если мне вдруг станет страшно жить по соседству с таким... крупным, непонятным хозяйством? И захочется с кем-нибудь поговорить? Например... с бабушкой. Объяснить ей, почему ее сынок так нервничает последнее время. Что за дела у него такие, что по ночам ангары оживают.

Удар был точен, как удар ножом в солнечное сплетение. Не в полицию. Не к конкурентам. К матери. К единственному в этом мире существу, чье мнение, чья боль для меня что-то значили. Она была не по бизнесу. Она была по человеку. По мне.

Это не был шантаж в привычном понимании. Не «деньги или тюрьма». Это было тоньше. Злее.

«Я знаю твой секрет. И я знаю твое самое больное место. И я могу ткнуть тебя в это место, когда захочу. Потому что я не чужая банда из города. Я – здесь. Внутри. Я – твой внутренний враг».

В голове пронеслись обрывки мыслей, яростные и беспорядочные. Полгода назад. Она в городе – не та, не эта. Бездомная тень с глазами, в которых читалась не просто нужда, а какая-то дикая, обреченная решимость. Я увидел в ней то, что искал – нужную форму, податливую и в то же время прочную. Я дал ей все: имя, семью, крышу над головой прямо здесь, под моим боком.

А она... она что, решила, что родство со мной дает ей право на что-то большее? Что она может тянуть одеяло на себя? Использовать то, что я ей дал, как рычаг против меня?

Не выйдет. Ни за что. Никогда.

Но тут же, сквозь ярость, пробился холодный, аналитический луч. Она не сдала меня сразу. Она пришла ко мне. Лично. Она хочет играть свою игру. Напрямую. Значит, она амбициозна. Значит, она хочет власти. Надо мной. Или, по крайней мере, рычага давления.

Очень хорошо. Амбиции – отличный крючок.

Я сделал шаг вперед, обходя стол, и остановился прямо перед ней. Смотрел сверху вниз. Она не отпрянула.

- Ты хочешь поговорить с бабушкой? – спросил я тихо.
- Поговори. Расскажи ей сказку. А я расскажу тебе, что будет потом. Потом ты больше никогда не увидишь ни ее, ни эту деревню, ни даже слепую мать, с которой живешь в доме, который я вам ПО-ДА-РИЛ. Ты исчезнешь. Как исчезает утренний туман. И никому до этого не будет дела. Потому что я здесь решаю, что помнят, а что забывают. Поняла?

Она проглотила. Зрачки ее чуть расширились. Угроза сработала. Но не сломила.

- Я поняла, - выдохнула она. – Ты здесь решаешь. Но я теперь тоже кое-что решаю. Например, насколько мне страшно. И с кем говорить.

- Значит, нам нужно прийти к соглашению, - сказал я, и голос мой снова стал деловым, спокойным, потому как

ярость ушла внутрь, превратившись в холодную, сфокусированную решимость. – Чтобы никому не было страшно. И чтобы разговоры были только между нами.

Она смотрела на меня, ожидая продолжения. Я видел в ее взгляде азарт. Она думала, что выиграла первый раунд. Возможно.

- С сегодняшнего дня, - объявил я, - ты работаешь не в коровнике. Ты работаешь на меня лично. Будешь помогать с бумагами. Иногда – выполнять мелкие поручения в городе. Ближе к делу. Ближе ко всему.

Ее глаза вспыхнули. Она поняла. Это не повышение. Это вовлечение. Это петля, которую я набрасывал ей на шею. Если она знает слишком много, лучше держать ее в поле зрения. В зоне контроля. Еще ближе, чем раньше. Чтобы каждый ее шаг был мне известен. Чтобы у нее не осталось пространства для маневра.

Она медленно кивнула.

- А бабушка? – спросила она, и в ее голосе снова прозвучала та же опасная нота – не угроза, а напоминание о своем козыре.

- Бабушку ты навещаешь. По расписанию. И разговариваешь с ней о погоде, о пирогах и о здоровье. Обо всем остальном – забываешь. Навсегда.

Мы смотрели друг на друга – два хищника, только что обменявшиеся первыми, пробными укусами. Никто не победил. Никто не проиграл. Мы просто вступили в новую фазу.

Более опасную. Более близкую.

- Ладно, - наконец сказала она. – Буду работать с бумагами. Когда начинать?

- Завтра. Сейчас иди. И, Ксения... - я позволил голосу снова стать ледяным. – Четвертый ангар. Никогда. Ты меня поняла.

Она кивнула еще раз, развернулась и вышла, закрыв за собой дверь так же тихо, как и вошла.

Я остался один. Вернулся к столу, откинул свитер. Пачки денег лежали нетронутыми. Но их вид уже не приносил успокоения. Теперь они казались не просто прибылью, а ставкой в новой игре. Игре, где противник оказался умнее, хитрее и опаснее, чем я предполагал.

Я смотрел на дверь, которую она только что закрыла. Держать ее ближе. Контролировать каждый шаг. Быть может, даже дать ей немного настоящей власти, чтобы она почувствовала вкус и потеряла бдительность.

Она хотела играть? Что ж. Я научу ее правилам. Жестким, беспощадным правилам моего мира. И посмотрю, выдержит ли она. Или сломается. И тогда... тогда я решу, что с ней делать.

На столе зазвонил один из «левых» телефонов. Поступал новый заказ на «обнал». Работа продолжалась. Но теперь в ней появился новый, непредсказуемый фактор. И от этого все внутри снова закипело - не только яростью, но и каким-то темным, запретным предвкушением.

<https://litnet.com/shrt/yp5j>

Аннотация к книге "Запретная для Лютого "

Сестра моего врага налетела на меня буквально. Ошарашив и завладев моим сердцем в одно мгновение. Я - жесткий по жизни человек, высмеивающий окружающих, неуважающий чужого мнения - теперь трепещу только лишь от ее нахождения рядом. Я - мужчина, на которого девки вешаются пачками и готовы сами сделать в постели все, что я затребую - оберегаю цветок целомудрия, сдерживая свои инстинкты, лежа с ней под одним одеялом...

 А все почему? Потому что - она моя единственная. А за стеной ее комнаты лежит мой самый главный враг. Даже не догадывающийся о моем присутствии в его доме... В постели его младшей сестренки...

Глава 10. Ксения

Вечер в доме был тихим. Туман снова спустился с леса, закутав окна в молочную вату. Я сидела на кухне, обхватив руками кружку с чаем, который не пила. Руки все еще чуть дрожали – не от страха, а от адреналина после разговора в кабинете. Я сделала это. Я вступила с ним в игру на равных. Вернее, попыталась. А он... он перевел все в другую плоскость. «Будешь работать на меня лично». Это был не отпор, а контратака. Он затягивал меня глубже.

Стул скрипнул в горнице. Надежда Степановна вышла из комнаты и, не глядя (а куда ей смотреть-то?), безошибочно подошла к столу и села напротив меня. Ее невидящие глаза были направлены куда-то в сторону моей груди, но казалось, что она видит все. Слишком много.

- Поздно вернулась, - сказала она не в упрек, а как констатацию.

Ее тонкие, нервные пальцы начали перебирать край ска-терти.

- Работа, - пробормотала я. – Назначили новую.

- Новую, - она повторила, и в ее голосе послышалось что-то вроде сухой усмешки. – Наверное, поближе ко всему. К самому ядрышку.

Я вздрогнула, будто она плеснула мне в лицо ледяной водой. Как она могла знать? Она же просто актриса, нанятая

для прикрытия. Глухая, слепая старуха, которой платят за то, чтобы она сидела тут и тихо впадала в маразм.

- Что вы имеете в виду? – спросила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

- Я имею в виду, дитя мое, что ты сегодня ходишь, как на иголках. И пахнешь не только навозом и кровью. От тебя... нервами пахнет. Страхом и азартом. Как у игрока перед большой ставкой. Ты что-то нашла, да? То самое.

Последнее слово она произнесла чуть тише, но оно повисло в воздухе между нами. Тяжелое и неопровержимое. Я молчала, сжимая кружку так, что пальцы побелели. Она знала. Она все время знала? Или просто догадалась, потому что я – плохая актриса?

- Я делаю то, что должна, - наконец выдавила я.

- Должна? – она покачала головой, и ее белесые зрачки, казалось, сфокусировались прямо на мне. – Ты перестала делать то, что должна, еще когда позволила ему... подойти так близко. Когда начала ждать этих встреч. Жажда их. Теперь ты играешь в свою игру. Глупенькая. Опасная игра. Ты же видишь, какой он. Он не тот, кого можно обернуть вокруг пальца жалостью или... чувствами.

Она почти что назвала это. Чувства. Как будто учуяла их в воздухе, как слепой улавливал запах грозы. Меня бросило в жар. От стыда? От злости, что меня раскусили так легко?

- Я не играю ни в какие игры, - прошептала я, но это прозвучало как детский лепет.

- Играешь, - перебила она резко.

Ее голос потерял свою обычную, вялую плавность. В нем зазвучала сталь. Сталь и страх. За меня? Или за себя?

- Тебе поручили дело. Дело надо делать. Чисто. Быстро. Без лишних... привязанностей. А ты что делаешь? Ты вязнешь. Вязнешь в его взглядах, в его приказах, в этой его власти. И он это чувствует. И использует. Он затянет тебя в свою воронку, а потом выплюнет, когда наиграется. Или сломает. И про дело все забудут. И про тебя.

Она встала, оперлась руками о стол, наклонилась ко мне. От нее пахло лекарствами и пылью.

- Ты думаешь, взяв верх в ваших... стычках, ты победишь? Ты лишь становишься его. Еще больше. Помни, зачем ты здесь. А то... кончиться может плохо. Для всех.

Она выпрямилась и, не сказав больше ни слова, ушла в свою комнату, тихо прикрыв за собой дверь.

Я осталась одна в тишине кухни, и слова ее жгли, как кислотой.

«Вязнешь. Становишься его».

Она была права. Ужасно права. Я пришла сюда с холодным расчетом, а теперь каждая мысль была о нем. О том, как он посмотрит, что скажет, как отреагирует.

Это была слабость. Смертельная слабость.

Я подошла к окну, прижалась лбом к холодному стеклу. Туман за ним был непроглядным. Как и мое будущее.

Нет. Я не позволю этому чувству, этой глупой, самоубий-

ственной тяге все испортить. «Мать» права в одном – дело надо делать. Но я сделаю его по-своему. Не так, как этого хотят. Не так, как, возможно, планировали изначально.

Я хочу большего. Я хочу власти над ним. Не над его фермой, а над ним самим. Чтобы он, этот железный, всеконтролирующий Гордей Свиридов, нуждался во мне. Чтобы он видел во мне не угрозу и не игрушку, а партнера. Равного. Чтобы мой уход или моя молчаливая угроза разболтать все его матери были для него не просто неприятностью, а невыносимой потерей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.